

Ярослав Кузьминов: «Сверхзадача Совета по правам человека — это соблюдение баланса социальных и гражданских прав»

Ярослав Иванович Кузьминов (родился 27 мая 1957 года в Москве) — российский экономист, общественный деятель, основатель и ректор ФГАУ ВПО "Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Автор более 100 научных публикаций, изданных в России и за рубежом, соавтор более 10 монографий и учебников. Окончил МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1989 году открыл альтернативную кафедру экономической теории в МФТИ. В 1992 году вместе с Е.Г. Ясиным предложил и реализовал концепцию создания экономического вуза нового образца, Государственного университета — Высшей школы экономики (ГУ–ВШЭ), и стал его ректором.

Входит в состав экспертных советов и комиссий, созданных при различных органах власти и по инициативе организаций гражданского общества, в том числе президиума Экономического совета при Президенте Российской Федерации, Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, Экспертного совета при Управлении Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан, рабочей группы президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, Совета Фонда «Центр стратегических разработок». В 2014 году избран депутатом Московской городской думы VI созыва.

Указами Президента Российской Федерации награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2012) и орденом Почета (2002). Главный редактор журнала «Вопросы образования», член редколлегии нескольких журналов.

Ред. Ярослав Иванович, слышали ли вы в студенческое время о понятии «права человека» и о правозащитниках?

Я.К. Как человек, много читавший, я был знаком и с Конституцией СССР — не самым популярным документом в то время. Там было прописано много прав, в этом смысле текст основного закона был вполне современен. Другое дело, что право собраний, свобода печати и прочие права были прописаны формально — известно, как они реализовывались. Тогда основной акцент делался на социальные права: право на труд, на бесплатное образование и здравоохранение — именно это было главным содержанием понятия «права человека» в Советском Союзе.

Ред. Ваш отец был экономистом, занимавшимся историей стахановского движения. Может быть, он акцентировал для вас именно эту, социальную составляющую прав человека?

Я.К. Такой подпитки даже не требовалось. Ситуация была видна невооруженным глазом. Квалифицированные рабочие уже были в дефиците, они зарабатывали на уровне профессора. Соблюдалось и равенство разных видов труда. Я не знаю, может быть, где-нибудь в Узбекистане отправка студентов «на хлопок» и считалась повинностью, но московские студенты пребывание в течение месяца-полутора «на картошке» или «на свекле», соединение умственного труда с физическим, повинностью не считали — ведь в это время не было занятий.

Теперь к вопросу о правозащитниках того времени. Диссиденты вызывали сочувствие как честные и самоотверженные люди, и их преследование я считал неприемлемым, но не видел понятной и приемлемой для себя программы... Я не принимал близко к сердцу их идеалы, считал, что это люди, которые жестко отстаивают свою позицию, идут в противоположном от большинства направлении. Я не чувствовал за ними исторической правды, не пытался настроить себя воспринимать их как защитников наших общих свобод.

«Врагами народа» их уже не называли, та эпоха прошла, но ярлык «отщепенцев» навешивали часто. Как «отщепенцев» я их, конечно, не воспринимал. Тогда «с подковыркой» к официозу относились уже очень многие, внутренне его не принимали, «фига в кармане» была распространенным явлением. Но ведь не было и внятной альтернативы. В основном к правозащитникам относились с равнодушием — вероятно, в этом была их главная трагедия. Скажем, народовольцам, например Вере Засулич, сочувствовало гораздо больше людей. В этом смысле я считаю, что советские диссиденты несли очень тяжелый крест, более тяжелый, чем народовольцы. Но тем выше их заслуга — ведь в равнодушии и был моральный кризис той эпохи.

Ред. А перестройку как человек и как специалист вы приняли?

Я.К. Я не стал участником первых новых движений — кооперативов, совместных предприятий, остался в рядах гуманитариев-обществоведов. Мы восприняли перемены в первую очередь как интеллектуальную свободу. Расширилось поле интеллектуального творчества, все больше можно было сказать, и это давало внутренние силы. Обновилась повестка именно в части поиска конкретных позитивных решений, а не просто, что «надо ругать». В центр общественных дискуссий выдвинулись вопросы, которые раньше казались не относящимися непосредственно к месту и времени. В результате люди, прежде погруженные преимущественно в сугубо профессиональные искания, стали обсуждать обозначившиеся развилки и перспективы. Стало легко говорить, и те, кому было что сказать, это делали.

Что касается меня, то я никогда не любил ходить строем, не рвался в первые ученики. У меня и научная тема была такая, которая никого остро не волновала: экономические отношения при общинном строе. Поэтому в конце 80-х — начале 90-х выяснилось, что мне не за что краснеть. Ну, а если ответить на ваш вопрос одним словом, то перестройку я воспринял позитивно.

Ред. В чем же этот позитивный настрой выразался?

Я.К. Я стал писать некие записки в адрес госорганов, взялся за книгу «Отчуждение труда при социализме». Речь шла об идеях раннего Маркса и труде Эриха Фромма «Иметь или быть?»^[1]. Выяснилось, что отчуждение происходит как раз при социализме. Это было наше интеллектуальное открытие, не политическое. Мы работали с Вадимом Радаевым, сейчас — первым проректором Высшей школы экономики, и Эльвирой Набиуллиной,

которая позже предпочла заниматься более практической деятельностью. Дальше пошли конкретные проекты. Мы в Физтехе — оплоте свободомыслия — открыли кафедру современной экономической теории, и при выборе между традиционными «партийными» дисциплинами и нашим курсом студенты предпочитали заниматься у нас. Однако нас успели прикрыть.

Ред. Почему?

Я.К. Кто-то «стукнул». Ведь не забывайте, все-таки еще существовал ЦК КПСС. Тогда мы перебрались в МГУ. Параллельно я занимался еще рядом проектов, в частности проектом «Историческое наследие». На рубеже развала СССР мы стали уговаривать советское, а затем новое российское руководство дать ученым возможность заниматься экономической и в целом общественной наукой так, как это делается во всем мире. Это не столько идеологический, сколько практический вопрос: изменения в экономической жизни невозможно было адекватно осмысливать и разумно направлять, опираясь главным образом на то, что было наработано в СССР. Имею в виду даже не догмы, а реальные достижения специалистов, изучавших плановое хозяйство и работу советских госорганов.

Ред. Вы знали, что вопросы защиты прав человека уже начали обретать какие-то формы?

Я.К. Да, я знал, что появилась Комиссия во главе с Сергеем Ковалёвым, он ведь потом стал и Уполномоченным по правам человека; несколько раз общался с ним. Я был очень рад реабилитации репрессированных, восстановлению справедливости.

Ред. Как вы попали в Совет?

Я.К. К сожалению, деталей не помню, кто мне позвонил — тоже. Во всяком случае, я дал согласие, понимая, что такой институт необходим. Я к тому времени уже имел концепцию на этот предмет: надо заниматься соблюдением баланса социальных и гражданских прав, а как раз такой традиции у нас в стране не было, властью и большинством граждан абсолютизировалось первое, а значительной частью интеллигенции — второе. Как раз правозащитники со стажем редко думали о социальных правах, именно поэтому их деятельность недооценивалась широкими массами.

Мы стали проводить исследования, и обнаружилось, что больше всего россиянам не хватает именно социальных прав. Кстати, с началом рыночных реформ эти права наши граждане стали воспринимать острее, в том числе интеллигенция, экономическое положение которой пошатнулось. Задача и в самом деле сложная: восстановить нарушенный баланс в пользу социальных прав, но при этом помочь людям понять, что для их защиты нужно и соблюдение прав политических.

Ред. Попав в первый состав Совета, на чем вы сосредоточились?

Я.К. На законодательстве об НКО. Мы со Львом Якобсоном проводили специальные исследования и на первой же встрече с главой государства (тогда президентом был Дмитрий Медведев) заговорили об этом. Первым взял слово Александр Аузан, потом выступил я. Необходимо было облегчить положение в этой сфере: документы по НКО были тогда более «зарегулированы», чем документация по коммерческим предприятиям. Нужно было хотя бы подравнять НКО с предприятиями малого бизнеса, чтобы при госзакупках и муниципальных закупках они имели одинаковые права.

Документ

«Я.И. Кузьминов: Руководители НКО, по опросу, ожидают поддержки от властей разных уровней — две трети руководителей НКО об этом

заявляют, от населения – только 20%, от СМИ – только 12%. Понимаете? Мы можем – при том что власть делает очень серьезные шаги по расширению того, что она может сделать в рамках собственной ресурсной поддержки НКО, – очень сильно исказить вектор развития некоммерческих, неправительственных организаций в России.

С другой стороны, исследования показывают, что население плохо знает работу НКО и нередко даже подозрительно относится к НКО, не доверяет им. 60% наших граждан готовы к массовой благотворительности, это очень большая доля людей, это столько же, сколько в самых развитых государствах мира. Но большинство пожертвований, 80%, граждане делают в одиночку. Есть примеры, когда работа российских организаций получает – таки широкую поддержку – это когда вовлекаются авторитетные СМИ. Я приведу один пример за отсутствием времени – это инициатива Чулпан Хаматовой, Фонд “Подари жизнь”. Крупные СМИ вовлеклись, и действительно, эта инициатива приобрела серьезную поддержку. Но примеры такие единичны.

Мы задавали вопрос: “При каких условиях вы готовы тратить больше денег на благотворительность?” 43% наших граждан отвечают: “Если получим уверенность, что деньги пойдут по назначению”. Только 3% увязывают это с налоговыми льготами. Это вполне естественно, потому что массовой благотворительности в России нет, и наша задача – ее сформировать».

Из стенограммы заседания Совета с участием Президента Дмитрия Медведева, 15 апреля я 2009 года

Ред. То есть это уже чисто экономическое законодательство?

Я.К. Так и была образована рабочая группа из представителей Минфина, Минэкономики, Минюста и Общественной палаты, в которой я тоже состоял. Возглавил ее Владислав Сурков. Мы вместе разработали ряд поправок в Закон об НКО; надо отметить, что Сурков занимал очень конструктивную позицию. Изменений удалось добиться, но, к сожалению, проблема до сих не решена окончательно.

Разумеется, законодательство об НКО имеет не только экономические аспекты. Известно, какие острые споры вызывает вопрос о политической деятельности некоммерческих организаций. Я всегда выступал за конкретизацию этого понятия, которая исключала бы расплывчатость, чреватую чрезмерно широкими толкованиями. Собственно говоря, в пользу такого решения не раз высказывался и президент.

Документ

«Я.И. Кузьминов: Объем обязательной отчетности должен зависеть от мер государственной поддержки и объема налоговых льгот, которые предоставляет НКО государство. Во всем мире существует порядок, когда НКО, не имеющие преференций, сдают единственный вид отчетности – по уплаченным в бюджет налогам. Нужно подумать, как максимально облегчить процесс отчетности для рядовых НКО,

освободив их от дублирования отчетов в налоговую службу и Минюст.

К сожалению, у нас есть примеры (коллеги мои будут об этом говорить), когда работники Минюста запрашивают в том числе всю бухгалтерскую отчетность, включая персональные данные. Наиболее подробные обязательные отчеты должны предоставлять те организации, которые собирают частные пожертвования – пожертвования граждан, или получают бюджетное финансирование. Требование отчетности к таким организациям предстоит урегулировать на следующем этапе, но первые попытки саморегулирования, обеспечение добровольной прозрачности НКО в России уже предприняты. Разработан свод базовых принципов прозрачности и отчетности НКО с внятным механизмом присоединения новых участников. Мы провели экспертную встречу по вопросам обеспечения прозрачности и отчетности НКО, и вот мы вам передали предложения по структуре добровольной публичной годовой отчетности некоммерческих организаций в двух вариантах, которые выработаны участниками этой встречи, состоявшейся несколько недель назад.

Мне кажется, что государство должно оказать массовую, серьезную информационную поддержку через два портала: портал Минюста и портал Общественной палаты, максимально облегчить для некоммерческих организаций переход на добровольную прозрачность».

Из стенограммы заседания Совета с участием Президента Дмитрия Медведева, 15 апреля 2012 года

Ред. Какие еще достижения у вас были за время работы в Совете?

Я.К. Например, мы успешно продвигали поправки в Налоговый кодекс и другие законы, которые благоприятствуют развитию социальной сферы и благотворительности.

Документ

«Не подлежит налогообложению (освобождается от налогообложения) реализация (а также передача, выполнение, оказание для собственных нужд) на территории Российской Федерации:

- 3) услуг по уходу за больными, инвалидами и престарелыми, необходимость ухода за которыми подтверждена соответствующими заключениями организаций здравоохранения, органов социальной защиты населения и (или) федеральных учреждений медико-социальной защиты;
- 4) услуг по содержанию детей в образовательных организациях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования, услуг по проведению занятий с несовершеннолетними детьми в кружках, секциях (включая спортивные) и студиях;
- 5) продуктов питания, непосредственно произведенных столовыми образовательных и медицинских организаций и реализуемых ими

в указанных организациях, а также продуктов питания, непосредственно произведенных организациями общественного питания и реализуемых ими указанным столовым или организациям».

Из Федерального закона от 18 июля 2011 года № 235-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части совершенствования налогообложения некоммерческих организаций и благотворительной деятельности»

Ред. Какая атмосфера была в том составе Совета?

Я.К. Элла Александровна — человек и заводной, и эмоциональный, ей очень хотелось, чтобы атмосфера была, как в хорошей семье. И действительно, обстановка была демократичная, делились самыми разными идеями. Было чем делиться, ведь работали в одно и то же время Сергей Говорухин, Сергей Борисов, Александр Аузан, Валерий Абрамкин, Леонид Рошаль, Владимир Познер. У меня установились хорошие человеческие контакты с Сергеем Карагановым, Игорем Клямкиным, Тамарой Морщаковой, Валерием Фадеевым. Поэтому, когда возник кризис и Совет покинули Людмила Алексеева и еще некоторые люди, я не стал сразу уходить.

Ред. Вот как раз о вашем уходе, если можно, подробнее.

Я.К. В принципе, я считал на тот момент, что намеченное выполнил. Кроме того, у меня и других нагрузок было уже в избытке, в частности я был членом Общественной палаты, возглавлял одну из ее наиболее активных комиссий. Но с позицией решивших выйти я не был согласен. Поэтому еще какое-то время (около года) подождал, а потом попросил президента освободить меня. Подчеркнул при этом, что есть много достойных кандидатур, назвал некоторые. У меня была возможность лично все объяснить, и президент согласился.

Ред. А сейчас что-то связывает вас с Советом?

Я.К. Многие мои коллеги по Высшей школе экономики постоянно связаны с его работой. Михаил Федотов возглавляет в нашем Университете кафедру ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности. Всего в «Вышке» работают, по моему, пять членов Совета по правам человека. Кроме того, у нас есть подразделения, которые систематически помогают Совету своими исследованиями и аналитикой. Назову, например, Центр исследований гражданского общества и некоммерческих организаций. Я с большим интересом слежу за тем, как коллеги участвуют в деятельности Совета, нередко обсуждаю с ними то, что волнует его членов, и стараюсь им по возможности помогать.

ПОЗИЦИЯ

«Мы защищали и будем защищать права людей. Наши студенты, наши преподаватели реализуют свои политические права... Если они нуждаются в юридической помощи, мы будем ее оказывать. Но мы не будем терпеть, если они будут навязывать свою политическую позицию в стенах Университета кому-то, Университет не для этого».

Ред. Что бы вы хотели пожелать Совету в его нынешнем виде?

Я.К. Решения большего числа конкретных задач. Сейчас в его состав вошел Евгений Григорьевич Ясин, и я надеюсь, что с его приходом усилится работа над реализацией социально-экономических прав граждан. Я знаю, что он нацелен именно на это.

Ред. Вы считаете, что такой акцент необходим сейчас в связи с непростым положением России в мире?

Я.К. Да, страна сейчас подвергается серьезным внешним испытаниям. Я не считаю, что это конфликт с демократическими ценностями; это конфликт государственных интересов. Да, США агрессивно продавливают свои подлинные или мнимые национальные интересы, навязывают через СМИ свое видение экономических и геополитических проблем. Для нас в этой ситуации очень важно не потерять наши достижения последних лет: рынок, открытость общества, сохранить свое представительство и влияние в мире, в том числе там, где нас не так уж и любят. Очень важна независимость суда. Ни в коем случае нельзя идти на поводу у тех, кто в условиях этой конфронтации навязывает чуть ли не военный коммунизм. Недопустимо терять конкурентную систему, независимые СМИ. Но нельзя и принимать навязываемые извне решения.

Надо признать, что в общественном мнении произошел раскол. Часть демократов сейчас считает, что национальные интересы значат меньше, чем права и свободы индивида. Они отстаивают своего рода «политический космополитизм» — естественно, не в худшем, не в ругательном смысле этого слова. Они никакие не наймиты, многие искренне убеждены, что интересам России отвечает «глобализация без границ», в том числе культурных и даже политических. Есть и те, у кого на первом плане частные выгоды (например, представители бизнеса, страдающего от санкций). Впрочем, таких, по моим наблюдениям, гораздо меньше.

Как бы то ни было, но 90% общества смотрят на ситуацию иначе. Я не считаю удачным термин Владислава Суркова «суверенная демократия», но понимаю, что он хотел этим сказать. Это предостережение против навязанных решений. Совет, как мне кажется, старается найти общий знаменатель для разных групп общества, но удается это не всегда. Все-таки Совет воспринимается как «свой» не самыми широкими группами.

Совет, бесспорно, состоит из очень достойных людей, но мне кажется, что он все-таки отражает интересы и взгляды далеко не всего общества. Называя вещи своими именами, он обеспечивает прежде всего представительство интеллигенции. Это, безусловно, нужно, но этого не всегда достаточно, чтобы в полной мере заботиться о балансе политических и социальных прав. Обеспечивать такой баланс, не поступаясь ни теми, ни другими правами, — непростая, но очень важная задача.

[1] Фромм Э. Иметь или быть? — М.: Neoclassic, 2015. — 302 с.